

УДК 82.0(091)

Воронова Л. Я., Хузеева Л. Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

**Е. А. БОРАТЫНСКИЙ-МЫСЛИТЕЛЬ В ОЦЕНКЕ
КАЗАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ ***

L. Voronova, L. Khuzeeva

Kazan (Volga Region) Federal University

E. BORATYNSKY AS A PHILOSOPHER IN KAZAN LITERARY CRITICISM

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению интерпретаций философских взглядов и мировоззренческих основ поэзии Е.А. Боратынского в казанском литературоведении в начале XX в. и на рубеже XX–XXI вв.. Также в статье обозначены основные направления современного боратыноведения в Казанском университете. Изучение литературоведческих работ позволяет определить преемственность учёных разных поколений, выявить актуальные подходы к анализу творчества «поэта мысли» и определить перспективные направления в изучении творчества Е.А. Боратынского.

Ключевые слова: Е.А. Боратынский, Казанский университет, литературоведение.

Abstract. The article deals with the interpretation of philosophical views and philosophical foundations of poetry of E. Boratynsky in Kazan literary criticism at the beginning of 20th century and at the turn of 20-21st centuries. Also the article outlines the key areas of modern studies of Boratynsky at Kazan University. The study of literary works allows to determine the continuity of scientists from different generations, identify relevant approaches to the analysis of the work of «the poet of thought» and to identify perspective directions of in the study of works of E. Boratynsky.

Key words: E. Boratynsky, Kazan University, literary criticism.

На страницах научных литературоведческих журналов часто обсуждается вопрос о том, как писать историю литературы, какой она должна быть¹. Однако не менее важным является и вопрос об истории литературоведения. Сегодня мы наблюдаем, как происходит переосмысление накопленного методологического и прикладного опыта. В науке совершенно очевидной становится необходимость пересмотреть существующие истории литературоведения с новых позиций, а также дополнить их актуальным материалом и расширить источниковую базу. Одним из интереснейших аспектов этой задачи является изучение региональной науки о литературе.

Интерес к Е.А. Боратынскому в казанском литературоведении не случаен. В научной литературе его не называют казанским поэтом, что отчасти справедливо: здесь он бывал несколько раз, а в 1831 году жил с семьей почти год (даты в статье приводятся в соответствии с «Летописью жизни и творчества Е.А. Боратынского» [4]). Этот период, на первый взгляд,

© Воронова Л. Я., Хузеева Л. Р., 2012.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (грант-проект ФЦП «Региональная модель формирования и развития русского академического литературоведения: Казанская научная школа»: номер соглашения 14.А18.21.0536).

¹ Например, в номере, посвященном 40-летию журнала «Вопросы литературы» (1997, № 2), в разделе «Каким должен быть курс истории литературы?» были изложены взгляды не только на преподавание дисциплины, но и на академическую науку, а с пятого номера 2010 г. в том же журнале существует постоянная рубрика «История русской литературы. Какой мы видим историю русской литературы?». Также интересна в этом аспекте статья Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 142-146.

был не самым плодотворным для творчества поэта, о чём он сам пишет И.В. Киреевскому в 1832 г.: «Ты прав, что Казань была для меня мало вдохновительной. Надеюсь, однако же, что несколько впечатлений и наблюдений, приобретённых мною, не пропадут» [9, с. 285]. Однако тесная связь с Казанью очевидна: здесь произошли важные для внутренней жизни Боратынского события, о чём также свидетельствует его переписка. Например, отсюда Боратынский писал письма Киреевскому относительно его журнала «Европеец» и активно работал над материалом, предназначенным для его издания.

Изучение библиографии литературоведческих работ о Е.А. Боратынском в Казани позволило сделать любопытное наблюдение о том, как неравномерно распределяется исследовательский интерес к личности и творчеству поэта.

«Всплеск» внимания сосредоточен вокруг двух дат: 1900 год, когда отмечалось 100-летие со дня рождения Боратынского, и 2000 год, ознаменованный празднованием 200-летнего юбилея. В связи с этим представляется важным рассмотреть, какие аспекты в изучении «поэзии мысли» Е.А. Боратынского интересовали исследователей, разделённых столь значительной временной дистанцией.

Цель данной статьи – проследить динамику восприятия и оценки философского начала в поэзии Е.А. Боратынского в казанском литературоведении в начале XX в. и на рубеже XX–XXI вв., а также обозначить основные направления современного боратыноведения в Казани.

На рубеже XIX – XX веков в Казани к анализу поэзии Е.А. Боратынского обратились А.С. Архангельский, Е.А. Бобров, И.Я. Порфирьев. Каждый из трёх исследователей отмечал противоречие между простой, на первый взгляд, биографией поэта и сложной, напряжённой внутренней жизнью, однако подходы к анализу в их работах заметно отличались.

Первым по времени из указанных исследователей к данному вопросу обратил-

ся А.С. Архангельский [4; 5; 6; 7]. Его речь, произнесённая на собрании Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина 27 февраля 1900 г., с сокращениями была напечатана в газете «Казанский телеграф», а через два года статья была опубликована в расширенном варианте под названием «Е.А. Боратынский и его поэзия». Целью учёного было рассмотреть Боратынского как представителя широкой общественной группы.

Рассматривая речь А.С. Архангельского в контексте юбилейных речей и торжеств, один из авторов этой статьи особое внимание уделял высокой оценке учёным творчества Боратынского и отметил, что при анализе творчества Е.А. Боратынского невозможно проигнорировать аспекты взаимодействия его поэтической системы и вопросов философии. К сожалению, это понимали не всегда. Наверное, именно поэтому творчество поэта было недооценено некоторыми его современниками, а сам он был отнесён к писателям второго ряда. По мнению И.Н. Розанова, большую роль в этом сыграл В.Г. Белинский, критика которого «на долгое время развенчала Боратынского, которого в двадцатые годы прочили в классики» [13, с. 100], а многочисленные издатели Белинского «<...> разнесли повсюду его оценки, много раз переповторив или передав своими словами его отзывы, и утвердили их не как выражение точки зрения определённого момента критики сороковых годов, а как незыблемый догмат» [13, с. 100].

Профессор Казанского Императорского университета А.С. Архангельский в своей речи вступает в полемику с В.Г. Белинским. Его не устраивает заявленный в статье принцип – у каждого «своё место». Результаты следования этому принципу в литературоведении и критике Архангельский сравнивает то с картинной галереей, то с базаром, то с гостиним двором, где каждый писатель и поэт со своими произведениями занимает своё, точно определённое критикой помещение, в котором «торговал своим товаром» [2,

с. 28]. Но каждая из «литературных лавочек» открывалась для публики по очереди: «когда публике распродавался один товар, лавочки всех других «представителей» предполагались как бы закрытыми» [2, с. 29]. Не завидным было и положение публики: «фланирующим образом», она переходила из лавочки в лавочку, покупая вещь за вещь, но по пути могла их и потерять.

А.С. Архангельскому ближе исследования позднейшего времени, в которых значительно раздвинуты старые представления о литературных «героях» и «корифеях», а также о «публике» и «толпе».

В речи А.С. Архангельского акцент ставился на выявлении внутренней, духовной стороны жизни поэта, основное внимание уделяется анализу творчества. На его основе выявляется характер художественного творчества Боратынского, подчёркивается общая отличительная черта его поэзии – «оригинальность мысли и чувства», «не общее выражение лица». Такие произведения, как «Лагерь» (1821), «Не ослеплен я музою моею...», «Подражание Лафару», «Смерть», «Череп», «Последняя смерть» служат подтверждением того, что «поэтическая грусть» Боратынского не результат какой-либо литературной моды, а особенность личности Боратынского, «склонной к философской рефлексии».

Однако, как подчёркивает А.С. Архангельский, пессимизм – это не главное в мировоззрении поэта. В душе его «вообще мало демонического», он враг всяких крайностей. И снова налицо скрытая, без упоминания имён, полемика с предшествующими критиками, которые или не оценили философский смысл и эстетическую ценность поэзии Боратынского (В.К. Кюхельбекер, В.Г. Белинский), или, признавая в поэте только мыслителя, считали, «что это ум – остуживающий поэзию» (И.С. Аксаков), или преувеличивали французские влияния (А.А. Бестужев).

Казанскому учёному ближе пушкинская оценка, основанная на самохарактеристике Е.А. Боратынского. На конкретных примерах («Деревня», «Дельвигу», «Молитва») А.С. Ар-

хангельский показывает, как «живая жизнь души поэта», «чувство», вступает в борьбу с «холодной думой» пессимиста, рвётся наружу и нередко одерживает верх. Двойственность поэзии Боратынского рассматривается как своеобразное отражение общей духовной двойственности, неопределённости, противоречий в идеях, стремлениях, характерных для современной поэту эпохи. Ряд имён героев и названий произведений напоминают о хорошо известных авторах («Манфред» Дж.Г. Байрона, «Вертер», «Фауст» И.-В. Гёте, «Вильгельм Ловелл» Л. Тика и др.) и сюжетах, в которых героем является «мировой человек», а общей темой – «несоразмерность между требованиями личности и реалиями общественной жизни» [2, с. 44].

Главной находкой Архангельского можно считать сопоставление последнего сборника Боратынского «Сумерки» с чрезвычайно типичной в этом отношении книжкой весьма популярного в Европе писателя Жана Поля Рихтера «Dämmerung für Deutschland» («Сумерки в Германии» (1809)).

Вообще, для того чтобы современники почувствовали пульс этой сложной эпохи, услышали «слово» и уловили «мысль» поэта, Архангельский очень широко использует «чужое слово». Здесь отрывки и ключевые слова из поэтических произведений, писем, статей Боратынского; цитаты из воспоминаний, писем, критических статей, стихотворений его современников (И.В. Киреевского, А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, К.Н. Батюшкова, В.Г. Белинского, М.Ю. Лермонтова и др.).

С иных позиций рассматривал поэзию Е.А. Боратынского литературовед и философ Е.А. Бобров. В круг интересов исследователя входили вопросы, связанные с философией, литературой, искусством, науками, что обусловило его интерес к «поэзии мысли». Философские взгляды самого учёного в науке определяются в рамках направления персонализма, представители которого особое внимание уделяли вопросам личности и её развития [1]. Учёный посвятил Е.А. Бо-

ратынскому несколько статей: «А.А. Фукс и казанские литераторы 30 – 40 годов» (1904), «Из жизни Е.А. Боратынского» (1907), одну из глав книги «Дела и люди» (1907), «Из поэзии Е.А. Боратынского» (1914). Литературоведческую позицию Е.А. Боброва рассматривала А.Н. Ерофеева [8], однако вопрос об интерпретации учёным личности и творчества Боратынского изучен ещё не полностью.

Одним из основных направлений научных поисков Е.А. Боброва было стремление понять и объяснить причины отчуждения и неприязни литературных кругов к поэзии Е.А. Боратынского, колебания интереса читателей к нему. К этому вопросу литературовед выходит через попытку определить философские взгляды Боратынского. Не примкнувший ни к одному лагерю, чуждый и консерваторам, и демократам, не разделявший модного в то время увлечения идеями Гегеля, Боратынский оказался буквально вытеснен из литературного круга: «Боратынский был жертвой нашей обычной русской нетерпимости к чужому и самостоятельному мнению» [3, с. 236]. Ощущение одиночества не могло не отразиться в его творчестве. Литературный материал для Боброва был не основным источником исследования, а показателем глубинных переживаний поэта. Объектом анализа становится биография поэта, отражённая в работах М.П. Погодина, переписке с П.А. Плетнёвым и К.Я. Гротом, воспоминаниях П.Г. Кичеева, Н.В. Путяты и др. Бобров не реконструировал системы философских взглядов поэта, однако отметил, что взгляды Боратынского были несвоевременны, он опередил время, что и навлекло на него непонимание как критиков, так и публики.

Через творческую судьбу Е.А. Боратынского Е.А. Бобров выходит к проблеме восприятия и становления образа поэта в сознании окружающих, ведь творческая судьба Боратынского – это лишь один пример, показывающий, как критика может формировать взгляды читателей, предавать определённые фамилии забвению.

Преподаватель Казанской Духовной Академии И.Я. Порфирьев, также интересовавшийся литературным краеведением, понимал литературный процесс близко к идеям культурно-исторической школы, но он стремился избежать крайностей этого метода. В диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук казанская исследовательница Н.И. Макарова определяет научный метод учёного как историко-эстетический, который с учётом идеи историзма признаёт в литературе доминирующую роль эстетических ценностей [11]. В главе о Боратынском из книги «История русской словесности» (1910) Порфирьев определяет круг наиболее значимых для Боратынского понятий, размышление над которыми и составляли сущность его поэзии: «Вопросы об истине, свободе, о счастье и несчастье, добре и зле и загробной жизни постоянно занимают поэта» [12, с. 247]. Весь поэтический потенциал Боратынского, по мнению литературоведа, был направлен на поиск гармонии, преодоление трагизма жизни, попытку уйти от пессимизма. Однако уйти от элегического, грустного тона поэзии для Боратынского не представляется возможным, так как причина его грусти неотделима от автора – это обстоятельства жизни. Как убедительно доказывает Н.И. Макарова, И.Я. Порфирьев, воспринимая Боратынского как родоначальника «гамлетизма» на русской почве, не ограничивал философии поэта исключительно этим направлением: «<...> пессимизм – лишь часть поэтического познания и принятия мира посредством мышления, он не всеобъемлющ и не является деконструктивным» [6, с. 145]. Признавая за фактами биографии Боратынского значительную роль в формировании его поэтического мировоззрения, Порфирьев всё же не относит его к поэтам исключительно пессимистической направленности.

Таким образом, мы видим, что в начале XX века отправной точкой для казанского литературоведения послужила интерпретация Боратынского как поэта мысли, за-

меченного и оцененного А.С. Пушкиным. На основании биографии поэта и его творческого наследия, писем и воспоминаний современников поэта А.С. Архангельский, Е.А. Бобров и И.Я. Порфирьев обратились к рассмотрению философских взглядов Боратынского и особое внимание сосредоточили на соотношении гамлетовских черт, также меланхолии, пессимизма в системе взглядов поэта.

Двухсотлетний юбилей Е.А. Боратынского в Казани в 2000 году стал стимулирующим фактором для появления большого комплекса новых литературоведческих работ и активной исследовательской деятельности. В рамках празднования была проведена Международная научная конференция «Слово и мысль Е.А. Боратынского», результатами которой стали два издания: том «Учёные записки Казанского университета» [15], а также сборник тезисов по материалам конференции [14]. Обзору конференции и её результатов, а также освещению празднования юбилея поэта в Казани в целом посвящена статья Л.Я. Вороновой и Л.С. Андреевой [15, с. 3–11].

Анализ научных работ показывает, что литературоведение в Казани сосредоточено в первую очередь на поэтике Боратынского и изучении его творчества с различных методологических позиций.

В современном боратыноведении в Казани отчётливо выделяются следующие направления исследований:

1) литературное краеведение (И.В. Завьялова «Казанский архив Боратынских» и «Семейное собрание Боратынских в Казани», Б.И. Колмаков «Романтические традиции воплощения темы востока в поэтических произведениях журнала «Заволжский муравей» (1832–1834)», С.П. Саначин «Казанские дома Боратынских», Л.Ф. Хайрутдинова «Е. Геркен (потомок Е. Боратынского) – поэт, драматург и критик»);

2) уточнение биографии поэта (Т.П. Гончарова «Е.А. Боратынский и Н.Д. Иванчин-Писарев. К вопросу о круге общения Е.А. Бо-

ратынского», Т.А. Карпеева «Некоторые проблемы изучения биографии Е.А. Боратынского»);

3) рассмотрение литературных взаимодействий (А.В. Азбукина «Семантика образа-символа “Соловей” в индивидуально-авторском контексте (на примере сопоставления элегий “La chute des feuilles” Ш. Мильвуа и “Падение листьев” Е. Боратынского)», В.Р. Аминова «Традиции “поэзии мысли” в татарской литературе начала XX века», Ю.В. Жиглий «“Поэзия Боратынского требует реставрации” (С.А. Андреевский о поэзии Е.А. Боратынского)», А.Н. Пашкуров «Евгений Боратынский и Гавриил Каменев: к постановке проблемы» и ««Евгений Боратынский и Гавриил Каменев: некоторые грани диалога и поэтических миров», Е.В. Синцов «Невыразимое как результата жанровых взаимодействий (“Эда” – “Руслан и Людмила”», В.В. Сыченков «Разговор в эпоху А. Пушкина и Е. Боратынского (к истокам интервью-портрета)»);

4) изучение отдельных вопросов творчества (Т.Г. Бочина «Контраст в лирике Е.А. Боратынского», Я.Г. Сафиуллин «Об экзистенциальном в поэзии Е. Боратынского», Е.В. Синцов «Полижанровая структура поэм Е. Боратынского “Эда” и А. Пушкина “Руслан и Людмила”», Ж.В. Фёдорова «Ливонская тема в творчестве Е. Боратынского и Ф. Булгарина»);

5) восприятие Е.А. Боратынского в науке, критике и обществе (Л.Я. Воронова «Столетие со дня рождения Е.А. Боратынского в Казани», Л.Я. Воронова, Л.С. Андреева «200-летие со дня рождения Е.А. Боратынского в Казани», В.Н. Крылов «Е. Боратынский в восприятии русских символистов (1890 – 1900-е годы)», Н.И. Макарова «Творчество Е.А. Боратынского в оценке И.Я. Порфирьева», Л.Х. Насрутдинова «Семантика мотива дара в художественно-документальной прозе о Е.А. Боратынском», Л.Л. Филиппенко «Пушкин-критик о Боратынском»);

6) рецепция Е.А. Боратынского в литературе последующего времени (Т.А. Корнеева «Традиции Е.А. Боратынского в творчестве

поэтов-символистов», Т.Г. Прохорова «Опыт типологического сравнения поэзии Иосифа Бродского и Евгения Боратынского» и «“Читателя найду в потомстве я...” (Е. Боратынский и И. Бродский)» [14, 15].

В свете рассматриваемого нами вопроса об интерпретации философских взглядов Е.А. Боратынского обратимся к некоторым из перечисленных работ. Непосредственно к философским основам поэзии обращается Я.Г. Сафиуллин в статье «Об экзистенциальном в поэзии Е.А. Боратынского» [14, с. 69–70] и таким образом определяет индивидуальный стиль автора. В творчестве поэта XIX века исследователь констатирует сознательный уход Боратынского от метафизики философской поэзии и обнаруживает черты, роднящие его с более поздней философией экзистенциализма: «... прежде всего осознание самоценности, самодостаточности духовного опыта отдельно взятой личности» [14, с. 69]. На основании анализа лирики ученый приходит к выводу, что поэт отчасти не соответствует и романтическому канону, поскольку его на первый взгляд романтическая обращённость к собственным переживаниям и мыслям, «не будучи освещённой гармонией и онтологией, останавливается <...> перед ничто и одиночеством» [14, с. 69]. Таким образом, Я.Г. Сафиуллин обращает внимание на множественности вариантов интерпретации философских взглядов Боратынского, их отражения в творчестве, а также поднимает вопрос об актуализации «поэзии мысли» в более поздние эпохи, в периоды активной разработки философских вопросов, связанных с проблемой личности.

В тесной связи с вопросами экзистенциализма в творчестве Е.А. Боратынского находится и исследование В.Н. Крылова «Е. Боратынский в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы)» [15, с. 77–85]. Символисты, видевшие свои истоки в русской философской лирике и поэзии мысли, в числе учителей называли и Е.А. Боратынского. На рубеже XIX–XX вв. ими была предпринята попытка вернуть «поэта мысли» читателю.

Раскрывая роль символистов в этом процессе, В.Н. Крылов анализирует мотивы их обращения к поэзии предыдущего периода и указывает на близость в мировоззрении, что отразилось в общих темах: «...тотальное одиночество, трагическое самосознание человека, неверие в прогресс, судьбы поэзии, искусства в условиях надвигающегося «железного века» и т. д.» [15, с. 80]. Материалом для исследования стали критические работы поэтов-символистов, и на основе их исследования, определения полемических уровней, расхождений в оценках учёный реконструирует общий портрет Боратынского в критике символистов.

Вопросу актуализации поэзии Боратынского в последующие литературные эпохи посвящена и статья Т.Г. Прохоровой «Опыт типологического сравнения поэзии Иосифа Бродского и Евгения Боратынского» [15, с. 110–118]. Отправной точкой для исследователя стал тот факт, что И. Бродский часто в своих выступлениях давал высокую оценку поэту XIX века. Выявление причин этого привело автора к идее о том, что в творчестве двух поэтов существуют некие инвариантные элементы, которые позволяют говорить об их типологическом родстве. К объединяющим факторам Т.Г. Прохорова относит психологический (тип темперамента), субъективный (Бродский сам неоднократно говорил о влиянии на него Боратынского), сознательное выстраивание своего творчества как поэзии мысли, экзистенциализм мышления, трагический, полный пессимизма взгляд на мир и др. Автор исследования приходит к выводу, что дисгармоничность мировосприятия Боратынского и одновременно его стремление к обретению гармонии были ориентиром для Бродского, а типологические схождения в творчестве писателей разных эпох стали косвенной причиной возрождения интереса к Боратынскому во второй половине XX века.

Вместе с тем необходимо отметить, что боратыноведение в Казани входит в круг интересов не только университетской науки, но и, что не менее важно, музейных работни-

ков. Конференция «Слово и мысль Е.А. Боратынского» укрепила связи Казанского университета с единственным в России музеем Е.А. Боратынского [15, с. 8]. С 2001 года ежегодно проводятся «Литературные чтения в усадьбе Боратынских», в программу которых традиционно входят не только вопросы, касающиеся Боратынских, но и литература, культура и история провинциальной России конца XVIII – начала XX вв.

Подводя промежуточные итоги, поскольку об окончательных пока говорить рано, можно отметить следующее. Современное литературоведение в Казани сохраняет и поддерживает интерес к личности и творчеству Е.А. Боратынского, высказанный ещё на рубеже XIX–XX вв., **однако можно наблюдать изменение научных интересов.** В начале XX века казанские исследователи интересовались более общими вопросами, например, основами философских взглядов Боратынского, его принадлежностью к какой-либо философской системе, а также предпринимали попытки реконструировать его мировоззрение в целостности. На современном этапе исследования зачастую останавливаются на частных вопросах поэтики (мотивный анализ, вопросы, связанные со стихосложением и проч.). Не менее значительны работы казанских учёных, выводящих исследования за границы одной персоналии и фокусирующих внимание на вопросах литературной традиции в творчестве поэта, проблемах восприятия Боратынского в критике, также рецепции в художественной практике последующих поколений.

Нам представляется следующий, только один из возможных вариантов объяснения процесса изменения в приоритетах направлений изучения. Боратыноведение в начале XX века стояло перед необходимостью после долгого забвения поэта сформулировать общее представление о нём, определить ключевые элементы поэтики. Это проявилось не только в работах, направленных на целостный анализ личности или поэзии (Е.Д. Жураковский, В.Ф. Саводник и др.), но

и в значительном интересе учёных к фактам биографии (П.П. Филиппович, М.Л. Гофман, С.С. Трубочёв и др.). Как отмечал Г.Г. Гадамер в теории герменевтического круга, часть познаётся через целое, а целое – через часть. Так и в боратыноведении за общими работами последовали более детальные исследования, дополняющие, корректирующие или пересматривающие и отвергающие предыдущие. Разумеется, общие закономерности и тенденции науки в целом и российской науки в частности не могли не отразиться на казанских исследованиях о Е.А. Боратынском.

В то же время можно говорить, что именно в начале XX века в казанских исследованиях особо пристальное внимание уделялось вопросу о философском аспекте поэзии Боратынского и его мировоззренческих основах (в первую очередь в работах Е.А. Боброва).

Одним из определяющих факторов, влияющих на казанское литературоведение рубежа XX–XXI веков, **являются научные направления деятельности кафедры истории русской литературы.** Одно из них – это изучение вопросов теории и истории критики и истории литературоведения, заложенные ещё в научной деятельности В.Н. Коновалова. Другое направление связано с изучением романтизма и его взаимодействий с реализмом, представленное в работах Н.А. Гуляева и его учеников.

Несмотря на то что «возвращение» Е.А. Боратынского к читателю идёт с 1970 года (именно тогда Ст. Рассадин в журнале «Вопросы литературы» сформулировал проявившуюся тенденцию), внимание к нему литературоведов также нестабильно. По иронии судьбы юбилейные даты Боратынского совпадают со сменой веков, которая традиционно связывается с эпохами перемен, сломов в различных областях жизни. В то же время и поэзия Боратынского сочетает в себе рефлексии о жизни и её смысле, поиск ориентиров и ценностей, философские размышления о смерти. Поскольку ни в науке, ни в искусстве выявление закономерностей не возможно на основании только внешних

или только внутренних факторов, то можно предположить, что всё это в совокупности и является одной из причин, отчего периодически, именно на сломе веков происходит «возрождение» Боратынского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.И. Бобров Евгений Александрович // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.1, А – Д / Науч. ред.: М.С. Ковалева и др. – М., 2000. – С. 281 – 282.
2. Архангельский А.С. Е.А. Баратынский и его поэзия // Под знаменем науки: Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка. – М., 1902. – С. 28 – 48.
3. Бобров Е.А. Из жизни Е.А. Боратынского // Известия Отделения Русского языка и словесности Имп. Академии Наук. – Т. XII, кн. 3. – СПб., 1907. – С. 226 – 239.
4. Воронова Л.Я. Столетие со дня рождения Е. А. Боратынского в Казани // Слово и мысль Е.А. Боратынского: Тезисы международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского (21 – 24 марта 2000 г.) – Казань, 2000. – С. 17 – 19.
5. Воронова Л.Я. Александр Семенович Архангельский, 1854 – 1926. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 31с.
6. Воронова Л.Я. А.С. Архангельский как историк науки // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: международной научной конференции, посвящённой 200-летию Казанского университета (Казань, 4 – 6 окт. 2004 г.): труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань, 2004. – С. 326 – 327.
7. Воронова Л.Я. А.С. Архангельский как исследователь творчества В.А. Жуковского // Ученые записки Казанского государственного университета. – Б.м. – 2007. – Т. 149. Кн. 2. – С. 11 – 23.
8. Ерофеева А. Н. Проблемы изучения литературного наследия Е. А. Боброва // Литературные чтения в усадьбе Боратынских: (19 – 20 марта 2002 г.) / ; Нац. музей Респ. Татарстан, Музей Е.А. Боратынского.— Казань: Национальный музей Республики Татарстан, 2002. – С. 24 – 26.
9. Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского, 1800 – 1844 / сост. А.М. Песков; текст подгот. Е.Э. Лямина, А.М. Песков. – М., 1998. – 496 с.
10. Литературные чтения в усадьбе Боратынских: Тезисы выступлений / Гос. объедин. музей Республики Татарстан, Музей Е.А. Боратынского. – Казань, 2001. – 79 с.
11. Макарова Н.И. И.Я. Порфирьев как исследователь русской литературы: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Казань, 2000. – 182 с.
12. Порфирьев И.Я. Е.А. Баратынский // История русской словесности, часть II, отд. 3, изд. 4. – Казань, 1910. – С. 244 – 251.
13. Розанов И.Н. Литературные репутации. – М., 1990. – 464 с.
14. Слово и мысль Е.А. Боратынского: Тезисы международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Е.А. Боратынского (21 – 24 марта 2000 г.) / Редкол.: Л.Я. Воронова (отв. ред.) и др. – Казань, 2000. – 131 с.
15. Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 139. Слово и мысль Е.А. Боратынского : К 200-летию со дня рождения : Материалы науч. конф., 21-24 марта 2000 г. / Сост. и отв. ред. Л.Я. Воронова. – Казань, 2000. – 262 с.